Кяккинен Н.И.

**Монархический стереотип политического сознания рабочих Урала
на рубеже XIX-XX вв.**

*Магнитогорский государственный технический университет им Г.И. Носова
(Россия, Магнитогорск)*

doi: 10.18411/lj-06-2019-56

idsp: ljjournal-06-2019-56

Аннотация

На основе привлечения широкого круга источников в данной статье рассмотрены особенности «царистской психологии» уральских рабочих и эволюция их отношения к императору в конце XIX – начале XX в. Анализ позволил прийти к выводу о противоречивом характере наивного монархизма рабочих. Наряду с сохранением приверженности монархической идее достаточно отчетливо начала проявляться тенденция к десакрализации образа монарха. Ситуацию усугубила первая мировая война. Эти изменения в политическом сознании низов стали одним из основных факторов революционных процессов 1917 года.

Ключевые слова: революция, монарх, рабочие, Урал, Дума, политические партии

Abstract

Based on the involvement of a wide range of sources, this article discusses the features of the "tsarist psychology" of the Ural workers in the post – reform period and the evolution of their attitude to the Emperor in the late XIX-early XX century. Their analysis led to the conclusion of the contradictory nature of the naive monarchism of workers. Along with the continued commitment to the monarchical idea quite clearly began to manifest a tendency to desacralize the image of the monarch. The situation was aggravated by the first world war. These changes in the political consciousness of the lower classes became one of the main factors in the revolutionary processes of 1917.

Keywords: revolution, the monarch, the workers, the Urals, the Duma, political parties

При характеристике политического сознания социальных низов России начала XX в. исследователи прежде всего указывают на определяющую роль монархической компоненты, сохранившей свою вневременную устойчивость в других образах и в дальнейшем. Вместе с тем, массовые антимонархические настроения низов после Февральской революции требуют, на наш взгляд, дополнительного изучения данной проблемы. В представленной статье это осуществляется на локальном примере рабочих горнозаводского Урала

С одной стороны, уральский материал полностью подтверждает искомый тезис о ведущей роли монархической идеи в политической культуре уральских рабочих. Даже «Кровавое» воскресенье практически не поколебало их наивного монархизма и, как отмечалось в петиции рабочих Алапаевского завода 13 апреля 1905 года, рескрипт 18 февраля 1905 года нашел среди них «горячий восторженный отклик», и они почувствовали, «что промыслом царя небесного и велением царя земного гнету и произволу над нами, нашему бесправию до положения безвольного раба, настал конец», а в ответ на известие о созыве булыгинской Думы 10 августа 1905 года в Златоусте по инициативе рабочих металлургического завода при большом стечении народа был отслужен благодарственный молебен по случаю Манифеста 6 августа. «После чего губернатором было провозглашено «ура» державному вождю русского народа, поддержанное восторженным «ура» 3-тысячной толпы рабочих. Уполномоченный от рабочих обратился к губернатору с просьбой повернуть к стопам Государя Императора их верноподданические чувства беспредельной любви, преданности и благодарности за царскую милость».

Об устойчивости монархического стереотипа в психологии рабочих свидетельствует также тот факт, что и власть имущие, и оппозиционные политические силы пытались опереться на него для достижения своих целей. Разъяснение администрации Катав-Ивановского завода во время забастовки 21 января 1905 года было «подано как «Царское слово к рабочим», которое они приняли с чувством преданности и прокричали несколько раз ура, а затем попросили отслужить молебен». После этого в присутствии всего начальства рабочие с крестным ходом прошли в механический цех, где хор любителей духовой музыки проиграл «Боже, царя храни», и все кричали ура. В целях достижения максимальной эффективности своей агитации во время летней забастовки рабочих Сысертского завода студент Томского университета Девяткин использовал исторический опыт российского самозванчества, выдавая себя за «уполномоченного государя императора».

Другим показателем прочности монархической идеи, отражавшей потребность рабочих в сильной, патерналистской власти, психологической защите и утопизм их мышления, может служить самостоятельная организация ими патриотических обществ и появление в 1904-1905 гг. новой для их политической культуры идеи «республиканского монархизма».

Массовое появление подобных обществ приходится на конец 1905 – начало 1906 г. как реакция патриотически настроенных рабочих на рост насилия, преступности, беззакония, характерные для рабочей среды после Манифеста 17 октября, воспринятого ею как сигнал к вседозволенности и неповиновению властям. Типичной является программа патриотического общества рабочих и служащих ст. Уфа, созданного после объявления Уфимской губернии на положении чрезвычайной охраны, которая, признавая, в частности, легитимность Высочайшего Манифеста и Государственной Думы, указывала на то, что царь остается верховным вождем народа и даже «после 17 октября ... называется «самодержавным» и отвечает только «перед богом и историей».

Вторая идея материализовалась в высказываниях типа: «скоро настанет время, когда государь будет выборный, престол будет переходить не по наследству», или: «царь должен быть избираем на шесть лет» и отражала специфику восприятия рабочими «модных» тогда идей через призму традиционной политической культуры в рамках сложившегося в поколениях социокультурного кода.

Наряду с этим полицейские донесения дают массу материала иного рода, свидетельствующего о десакрализации образа монарха. Такие данные начинают фиксироваться охранительными органами после отмены крепостного права и их можно разделить на три категории. Оскорбления, в которых присутствовали сомнения в умственных или иных способностях конкретного монарха («наш государь слаб» – Кусинский завод, 1903 г.; «наш государь дурак» – фабрика Т-ва Акафузовых в Белебее, 1902 г.). Оскорбления, связанные с обвинением царя в поощрении социальной несправедливости с угрозами или сожалениями о неудавшихся покушениях на него («в самом-то царе нет никакой правды, его стоило бы застрелить» – Катав-Ивановский завод, 1902 г.; «убили великого князя Сергея Александровича, теперь надо убить государя» – Миньярский завод, 1903 г.). Третья группа появляется в годы первой российской революции и содержит высказывания с пожеланиями ликвидировать самодержавие как государственный институт («нам не нужно царя, министров, никакого начальства» – Златоуст, 1906 г.; «не надо царя, долой самодержавие» – Мотовилихинский завод, 1905 г.).

Анализ хронологии высказываний позволяет выделить общую тенденцию увеличения их числа, однако, общий рост не носил характер однолинейного процесса. Всплески недовольства сочетались с относительно спокойными в этом отношении периодами и, как правило, имели под собой конкретные причины экономического или политического свойства. При этом вслед за «взрывом» царистских иллюзий в 1861-1863 гг., в начале 90-х гг., в 1905 г. (Манифест 17 октября), в начале первой мировой войны

обязательно следовал пик оскорблений, что связано с крушением очередных надежд и естественным ростом недовольства. В этой связи можно предположить, что в сознании рабочих Урала образ царя раздваивался, и надежды возлагались часто не на реального государя, а на его мифологизированный образ. Данное предположение подтверждается наблюдениями Р.Г. Пихои в отношении крестьянского монархизма XVIII в., в соответствии с которыми на Урале «происходило противопоставление государя истинного тому реально правящему государю, от имени которого исходили все непопулярные, ограниченные указы и другие мероприятия» и который к рубежу XIX-XX вв. превратился в стереотип политической психологии не только крестьян, но и рабочих края.

Отношение к действующему монарху опосредовалось его реальной политикой и, прежде всего, ее народной или антинародной направленностью. Не случайна поэтому (как способ психологической реабилитации монаршьяго образа) эксплуатация в фольклорной традиции образа Петра I, трансляция через поколения памяти об освобождении крестьян, когда спустя 40 с лишним лет на уральских заводах 19 февраля возлагали венки к памятнику Александру II и служились панихиды и молебны. Даже десакрализация в массовом сознании в годы Первой мировой войны, в том числе и на Урале, образа Николая II, «показушный» антицаризм в послефевральской России не следует квалифицировать как крах монархической идеи. Во всяком случае, возрождение самодержавия генеральных секретарей вряд ли было случайностью и свидетельствовало о живучести «эмоционально-инстинктивного» монархизма в массовом сознании.

Что касается мифологизации монаршьяго образа, то можно согласиться с утверждением С. Лурье, что столь интенсивный образ царя является способом психологической защиты народа в условиях его постоянного конфликта с государством, в котором для бесправного, покорного, нуждавшегося в защите народа царь представлял «своим» в стране «чужих», а вся бюрократия оказывалась как бы лишним звеном, мешающим установлению непосредственной связи государя и народа. В этой связи становится очевидным, что нескончаемый поток различных форм апелляции к монаршьяей воле и милости на пореформенном Урале представлял собой помимо прочего скрытную линию противостояния «наивного монархизма» порядкам бюрократического государства. Формулируя свои интересы, обличая «лихоимство» местного начальства, они непременно основывались на свойственных рабочим представлениям о справедливости, несли в себе «методом от противного» положительный идеал государственных порядков и убеждение в обязанности государственных органов вплоть до императора удовлетворять их требования.

***

1. 1905. Революционные события 1905 г. в Уфе и уральских заводах. – Уфа. 1925. – 257 с.
2. Коробков Ю.Д. Ментальные основы российской государственности. – В сборнике: Россия в поисках национальной стратегии развития. Материалы Всероссийской научной конференции. – 2003. – С. 81-84
3. Коробков Ю.Д. Политический выбор и политическое поведение уральских рабочих в 1917 г. Проблемы российской истории. – 2004. - №3. – С. 196-216.
4. Коробков Ю.Д. Трудовая этика уральских рабочих в конце - в начале XX века. – В сборнике: Индустриализация в СССР: уроки истории. Материалы международной научной конференции (к 70-летию пуска Челябинского тракторного завода). Редколлегия: Н.П. Шмакова, О.Н. Шмаков, И.А. Новиков. – 2003. – С. 114-117.
5. Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. – СПб., 1994. – 288 с.
6. Металлисты Урала накануне и в период 1905 г. Свердловск. – 1926. – 206 с.
7. Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII – XVIII в.). – Свердловск. 1987. – 272 с.
8. Урал. 1905. 27 августа.
9. Уральская жизнь. 1907. 25 февраля.
10. ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 113. Л. 50.